

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЛЫЦЕВИЧА К.К.

от 9 Декабря 1934 г.

ВОПРОС: Признаете-ли Вы, что не приняли никаких мер для проверки того, какую опасность для государства представляют собой лица о которых ВОЛКОВА сообщала, как об участниках контр-революционной организации?

ОТВЕТ: Проверка их, как отдельных лиц мною, проведена не была. Проверка производилась только в разрезе тех данных о их причастности к к.р. организации, которые сообщала ВОЛКОВА.

ВОПРОС: Признаете-ли, что и та проверка, которая была Вами проведена, те методы и средства, которыми проверялись сообщения ВОЛКОВОЙ - были направлены по существу к тому, чтобы опровергнуть сообщаемые ВОЛКОВОЙ данные, а затем и саму ВОЛКОВУ?

ОТВЕТ: Нет, я этого не признаю. Следствие и проверка были направлены к тому, чтобы выявить контр-революционную организацию о которой сообщала ВОЛКОВА. Очные ставки и допрос подозреваемых проводились так, чтобы изобличить их в принадлежности к к.р. организации. Прошу записать, что дело два раза во всех подробностях докладывалось ПЕТРОВУ зам. Нач. Управления тов. БОМАНУ и один раз тов. МЕДЕДЕ, знал дело подробно тов. ЯНИШЕВСКИЙ. Никто мне никогда не говорил, что это дело проверено недостаточно и что в нем нет ясности.

ВОПРОС: Однако, вся проверка заявлений ВОЛКОВОЙ фактически была возложена на саму ВОЛКОВУ, т.е. она одна против всех изобличаемых ею лиц была Вами вынуждена лично доказывать, что эти лица (ЛИБАНОВ, КОРЯУНОВ и другие) виновны, причем должна была это делать на очных ставках с подозреваемыми, приводимыми со свободы и затем отпускаемыми. Признаете-ли Вы, что

эти методы проверки дела были применяемы Вами сознательно, чтобы как можно скорее опорочить ВОЛКОВУ перед обвиняемыми и следствием?

ОТВЕТ: Нет я лично ничего не делал и не поручал делать ПЕТРОВУ с целью сознательно опорочить ВОЛКОВУ. Еще раз повторяю, что обвиняемые вызывались на допрос и затем на очные ставки специально для того, чтобы внести ясность в вопрос их участия в к.р. организации, в каком направлении они и допрашивались.

ВОПРОС: Были-ли у Вас с ВОЛКОВОЙ за время общения с нею при допросах враждебные к ней или у ней к Вам отношения?

ОТВЕТ: Ни того ни другого не было. Наоборот ВОЛКОВА все время жаловалась на ПЕТРОВА, а моей фамилии в своих жалобах никогда не упоминала.

ВОПРОС: Были-ли Вы частным образом знакомы с теми лицами, которых ВОЛКОВА изобличала как участников к.р. организации или имели с ними общих знакомых?

ОТВЕТ: Нет ни с кем из них знаком не был и ни с одним из них общих знакомых не имел.

ВОПРОС: Признаете-ли Вы, что непринятие Вами лично мер обеспечивающих подлинную проверку лиц о которых сообщала ВОЛКОВА, как о контр-революционерах (что Вы признали в ранее данных показаниях) является следствием Вашего нежелания раскрыть и ликвидировать к.-революционную организацию?

ОТВЕТ: Нет я это категорически отвергаю. И меня крайне удивляет этот вопрос. Как я и раньше показывал я упустил необходимость разработки указываемых в заявлении ВОЛКОВОЙ лиц, как отдельных объектов. Это получилось потому, что ВОЛКОВА признала, что она их оговорила и в то время это было для меня очевидно.

ВОПРОС: Признаете-ли Вы, что Ваше решающее участие в освобождении и прекращении дел МИХЕЕВА, который Вам-же дал ничем не опровергнутые свои признания в том, что он завербован Латвийской разведкой для шпионской работы является преступлением и что эти Вы нарушили Ваш служебный долг?

ОТВЕТ: Я не признаю, что я совершил сознательно преступление и для этого у меня не было никаких причин и какой-либо моей заинтересованности, я был глубоко убежден на основании показаний МИХЕЕВА и вообще материалов дела - не установлено было, чтобы МИХЕЕВ проявил какие либо попытки практически выполнить то обязательство, какое он дал в Латвийском консульстве.

ВОПРОС: Кто на Вас имел влияние в решении вопроса о прекращении дела МИХЕЕВА. Следствие считает Вашу мотивировку приведенную выше совершенно несостоятельной.

ОТВЕТ: После допроса МИХЕЕВА я протокол его показал т. ЯНИШЕВСКОМУ, он его прочел и решил, что достаточных данных для предания МИХЕЕВА суду не имеется. т. ЯНИШЕВСКИЙ распорядился МИХЕЕВА освободить и дело прекратить.

ВОПРОС: Читал-ли кто либо из руководства Особого Отдела подписанное Вами постановление о прекращении дела МИХЕЕВА?

ОТВЕТ: Нет, я не успел еще дать это постановление на подпись тов. ЯНИШЕВСКОМУ.

ВОПРОС: Почему в подписанном Вами постановлении о прекращении дела МИХЕЕВА в содержании его обвинения помещен только вопрос о СВАЛЬБЕ и опровергается только обвинение МИХЕЕВА в причастности к террористической деятельности, а доказанный следствием вопрос о шпионаже вовсе не помещен. Не было-ли у Вас или у уполном. ПОНОМАРЕВА намерения этим путем ввести руководство Особого Отдела и Управления в заблуждение с целью не иметь препятствий к освобождению МИХЕЕВА?

65 25
48

ОТВЕТ: Никакого желания скрыть от руководства сущность дела МИХЕЕВА у меня и насколько мне известно у ПОНОМАРЕВА не было, так как мы оба МИХЕЕВА видели впервые. Постановление написано так по упущению уполномоченного ПОНОМАРЕВА и подписано по моему упущению. Я указал ПОНОМАРЕВУ, что в постановлении должны быть указаны все пункты обвинения МИХЕЕВА, в том числе и шпионаж.

ГАЛЫКОВИЧ

В е р н о:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЛЫШЕВИЧА М.К.

от 9 декабря 1934 г.

ВОПРОС: Если помните имевшееся в Вашем производстве дело мужа и жены МИХЕЕВНЫХ, какие можете дать объяснения освобождению их из под стражи и прекращению дела при наличии доказанного обвинения МИХЕЕВА в Латвийском шпионаже?

ОТВЕТ: Я допрашивал МИХЕЕВА и его жену вместе с Уполномоченным ПОНОМАРЕВЫМ два раза. Дело было по приказанию тов. ЯНИШЕВСКОГО затребовано из Гдовского Погранотряда, так как, в этом деле были по заключению отряда данные о причастности МИХЕЕВА к террористической деятельности. Я производил проверочное следствие, которыми никаких данных о террористических намерениях МИХЕЕВА не обнаружил.

На первом допросе МИХЕЕВ мне подтвердил данные в Гдове показания о том, что некий бывший офицер ШВАЛЬБЕ предлагал ему участвовать в каких-то темных делах и показывал ему револьвер. На втором допросе МИХЕЕВ заявил, что эти показания ложны и даны для того, чтобы не осмешить с себя в глазах жены, которой он эту-же историю рассказывал для того, чтобы ее напугать и заставить прекратить роман с местным врачом. В показаниях МИХЕЕВА и его жены запротоколированных в Ленинграде было ряд противоречий, которые вызвали у меня и у т. ПОНОМАРЕВА сомнения в показаниях МИХЕЕВА в части ШВАЛЬБЕ. Ввиду этого показания МИХЕЕВА, как в части самого факта его встречи со ШВАЛЬБЕ, так разговор с ним, кстати весьма путанно изложенного МИХЕЕВЫМ, мы поставили под сомнение. Затем мы вызвали жену МИХЕЕВА, установили противоречия между их показаниями о ШВАЛЬБЕ и одновременно выяснили у жены МИХЕЕВА, что ее муж большой хвастун и имел привычку рисовать себя перед ней в разных возвышающих его в ее глазах ролях.

37
46

После допроса МИХЕЕВОЙ, через несколько дней, мы, я и тов. ПО-
НОМАРЕВ опять вызвали на допрос МИХЕЕВА. Я спросил МИХЕЕВА, прави-
ли он показывает о ШВАЛЬБЕ. МИХЕЕВ начал плакать и признал, что с
встрече со ШВАЛЬБЕ вообще он показывал в Гдове и Ленинграде непра-
ду по причинам вытекающим из его чувств ревности к жене.

ВОПРОС: Отказался-ли МИХЕЕВ от всех ранее данных им показаний?

ОТВЕТ: Нет, МИХЕЕВ подтвердил свои показания о том, что при посещении на-
латвийского Консульства в Ленинграде ему было предложено, если он
получит визу на в"езд в Латвию - не ехать с пустыми руками, а со-
брать предварительно сведения шпионского характера и отвести их в
Латвию. По словам МИХЕЕВА, он обещал в Латвийском Консульстве это
сделать, но фактически ничего не предпринял. МИХЕЕВ пояснил, что
он обещал собрать шпионские сведения, для того, чтобы не терять
отношений с Консульством на предмет получения виз в Латвию.

Об этом я доложил тов. ЯНИШЕВСКОМУ и дал ему прочесть протокол
допроса, МИХЕЕВА, где все изложенное было зафиксировано. При об-
суждении дела с тов. ЯНИШЕВСКИМ, мы пришли к заключению, что доста-
точных данных для привлечения МИХЕЕВА к судебной ответственности
сейчас нет и, что нужно его дальше тщательно разрабатывать. Поэто-
му было решено МИХЕЕВЫХ освободить, дело прекратить и дать указа-
ния отряду о его дальнейшей разработке, что мною и было выполнено.
Добавляю, что МИХЕЕВ производил на меня впечатление исключительно
неразвитого человека.

ВОПРОС: Ваше об"яснение освобождения МИХЕЕВА и прекращения его дела не вя-
жется с какими-бы то ни было возможными в этом деле, ни следствен-
ными, ни оперативными соображениями. Поясните, как Вы представляли
и сейчас представляете себе задачи и цели разработки МИХЕЕВЫХ по-
сле того, как уже собственными признаниями МИХЕЕВА было установлено,
что он Латвийский шпион, ставили Вы себе задачей его дальнейшую
связь с Консульством для агентурных целей или имели в виду выявить

38
44

путем разработки еще что-либо?

ОТВЕТ: Путем дальнейшей разработки я ставил себе задачей установить действительно ли МИХЕЕВ занимается шпионажем, так я считал, что из"явление МИХЕЕВЫМ согласия на шпионскую работу, при отсутствии каких либо данных о его практической шпионской работе - не могли служить достаточным основанием для привлечения МИХЕЕВА к ответственности.

ВОПРОС: Ваш ответ не соответствует нашей практике борьбы со шпионажем, и ничего не об"ясняет, не можете ли изложить более правдоподобно соображения которым Вы руководствовались освобождая МИХЕЕВА?

ОТВЕТ: Я признаю, что недооценил это дело и допустил большую ошибку. Утсняя что я это понимаю и признаю только сейчас, во время ведения дела МИХЕЕВЫХ и его окончания я, как помню руководствовался изложенными выше соображениями.

Записано правильно, прочитано - БАЛЫШЕВИЧ.

ДОПРОСИЛ: ЗАМ.НАЧ.ОО ГУТБ НКВД СССР - СОСНОВСКИЙ

В е р н о: Загит